

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

История сотрудничества Марка Верховского с журналом «Литературный Азербайджан» началась чуть более десяти лет назад с телефонного звонка главному редактору журнала Мансуре Векилову. Мансур муаллим, известный своим душевным расположением к авторам, благосклонно отнесся к произведениям живущего в Америке писателя, которому тогда было под семьдесят лет. Живя в США, он по сути своей оставался бакинцем. С тех пор американский бакинец Марк Верховский регулярно печатается в нашем журнале. Не все предложенные им материалы были напечатаны. Но мы не думаем, что он обижался, понимал, что у редакции свои насущные задачи и планы. По произведениям Марка Верховского всегда чувствуется, что душой он в Баку. В эти трудные военные дни, когда началась вторая стадия Карабахской войны, Марк муаллим один из первых написал нам теплое письмо со словами поддержки, добавив, что верит в нашу победу.

Предлагаем читателям его очерки и искренне поздравляем нашего американского автора с 80-летним юбилеем. Удач вам, Марк муаллим, и крепкого здоровья.

Любовь, комсомол и весна

Первое мая 1953 года страна встречала уже без главы страны – Иосифа Сталина, а потому и без всякого оптимизма. Это был первый праздник без вождя. Пришедшие к власти члены Политбюро не находили в народе достаточного доверия. Шли пересуды – кто встанет у руля страны, но ни одна кандидатура не вызывала особых чувств у народа. Всех объединял один глобальный вопрос: «Как мы будем существовать без Сталина?». Поскольку ответа мы не находили, то продолжали жить, как жили раньше.

Разумеется, всю политическую ситуацию я рассматриваю с сугубо личной позиции тринадцатилетнего подростка. Ни мы, ни ближайшее наше окружение – соседи, учителя, сотрудники, наши родственники – никто не подвергся известным репрессиям со стороны власти. Соответственно, нам было неизвестно ни о репрессиях, ни о «гулагах».

В этом году по разнарядке классного руководителя я попал в список участников первомайской демонстрации от нашей 171 школы. Ежегодно этот список обновлялся каждый праздник. Вот впервые подошла и моя очередь отдать свой ученический долг. Нельзя сказать, что я не был рад этому. Хотелось поучаствовать, и даже, возможно, попасть в документальный киножурнал «Новости Дня», да и вообще, вживую увидеть руководителей нашей республики.

Когда я пришел в школу, то стоящая у входа девочка, очевидно, старше меня на год-два, хорошо отрепетированным командным голосом объясняла группе учащихся условия участия в демонстрации. Краткий курс заключался в следующем: для начала нужно было обзавестись портретом одного из членов Политбюро, хранить его до конца мероприятия, нести его выше своей головы, не опускать и ни в коем случае не бросать на землю, а в конце возвратить «члена Политбюро» туда, где взял. На этом, к моему сожалению, «курс молодого участника демонстрации» заканчивался. Теперь по указанию лектора нужно было взять портрет и выйти строиться на улице. «Сожаление» мое было искренним, мне не хотелось никуда выходить, поскольку я просто-напросто залюбовался девчонкой. Мало того, что она была чрезвычайно энергична и активна, она еще была просто обворожительна.

Я готов был продолжать слушать её и одновременно смотреть ей в глаза, на губы, на волосы, на руки, на...

Но только сейчас, переведя взгляд на её грудь, я заметил на ней значок члена ВЛКСМ. «Так вот где таилась погибель моя ...! – промелькнула мысль. – значит, она из комсомольского актива! Вот почему она такая бойкая и громкая!» Мне стало как-то неловко, а вернее, некомфортно, ибо я ещё не вступил в ряды этой гордой и политизированной организации.

Одним словом, я влюбился с первого взгляда. (А что ещё могло произойти в моем юном влюбчивом возрасте?) Не сразу поняв, что пора идти за плакатом, я с каким-то необычайным подъемом устремился в кладовку.

Транспаранты с портретами членов Политбюро хаотично валялись в школьной кладовке, очевидно, ещё с праздника 7 ноября. Выбор был неограничен, а потому и привел меня к некоторым раздумьям: «Кого бы взять, чтобы другие члены Политбюро не обиделись». Некоторые «члены» были антипатичны мне, уже хотя бы своими физиономиями.

Например, мне совсем нехотелось нести портрет тогдашнего коммунистического лидера СССР с его внешностью председателя колхоза и щеголять с ней по всему городу? «Засмеют же!» – подумал я, отходя от плакатов с лидером, которых было больше всех. Чуть меньше было портретов человека с усами «под фюрера». Они (усы) явно его не красили и, даже наоборот, придавали их владельцу недовольный вид. Разумеется, я и его тихонько оттолкнул в сторону.

А вот и лидер Азербайджана: с аккуратными усиками и в интеллигентном пенсне «А ля Чехов». Этот портрет будет престижно нести – я было и протянул руку, но тут же вспомнил недавнее (апрельское) перемещение его с должности Первого секретаря Азербайджана на должность Пред.Совмина республики. Что-то подсказывало мне, «старому» пионеру, что понижение статуса такого уровня (у нас в стране) делается неспроста. (Уже 20 июня он был снят и с этой должности). И вот тут я увидел портрет, взять который я был просто обязан.

Милый и симпатичный, он безразлично смотрел мне в глаза, понимая, что никто, кроме меня, не поднимет его над головами демонстрантов. Почему-то его не долюбливали, несмотря на его несомненные заслуги перед советской страной. Он был тенью Сталина, а потому, наверно, и такое отношение. Но я не мог пройти равнодушно мимо портрета Лазаря Моисеевича. С почтением подняв плакат с его портретом и бережно обтерев его обшлагом рукава рубашки, я, наконец, вышел из кладовки, уступив место другим будущим сподвижникам по демонстрации.

Услышав бодрый голос своей новой знакомой, я, как замороженный гипнозом, повернул в её сторону. Она ободряюще улыбнулась и, мимоходом взглянув на мой выбор, даже поощрительно хлопнула меня по плечу. Я долго не мог понять её дружеский жест, пока кто-то не окликнул её:

– Розалия, а можно

– Неужели и она – «наша», – рискнул я предположить.

Оказывается пришло время строить колонну и Роза, почему-то схватив меня за руку, повела во главу школьной демонстрации. Она, как руководитель, была без транспаранта, а потому успела обежать всю колонну и дать необходимые указания. Наконец, все вошло в русло движущегося потока, и Роза вернулась в мою первую шеренгу. Дорога к правительственной трибуне была дальняя и извилистая, чему я был бесконечно благодарен.

Мы не стали церемониться и между нами сразу же установились дружеские отношения. Розалия училась у тех же учителей, что и я. Это открывало большие возможности для разбора по косточкам педагогов. Особенно досталось учителькам математики и физики, к которым и она и я испытывали неприязнь – разумеется, по причине отсутствия любви к их предметам.

С большим воодушевлением я похвастался полученными двойками по их предметам. Роза с удовольствием подхватывала мои реплики, дополняя их рассказами о своих озорствах. Осмелев, я предложил ей в ближайшее время поучаствовать в прогулах с уроков. Здесь у меня был богатый, накопленный годами опыт. В эти увлекательные мероприятия входили: посещение Парка пионеров (бесплатные качели и карусель), безбилетное проникновение в баиловский зоопарк, катание на детской железной дороге, а кроме того разные пакости, такие, как назойливые звонки в парадных, открывание в общих дворах водопроводного крана и т.д.. Разумеется, я не осмелился предложить девочке научиться вскакивать на ходу в трамвай и постичь искусство безбилетного проезда. Зато в области истории и литературы мы нашли очень много общего, безумолку обсуждая прочитанные книги и любимых писателей.

Так, болтая на ходу, мы прошли мимо трибуны, заполненной руководителями страны, большинство из которых буквально через месяц получили отставку и попали на скамью подсудимых.

Едва дойдя до школы, я, торопясь остаться с Розой без транспарантного попутчика, решил уложить «Лазаря» у порога здания. Но укоризненный взгляд моей новой подруги удержал меня от этого некрасивого поступка, противоречившего пионерской этике.

«Я сейчас!» – обнадежил я Розу и кинулся в школьную кладовку.

Выйдя через минуту, я не обнаружил возле школы свою новую подружку Розу. Я не сомневался, что мы встретимся в школе. Увы, судьба нас не сталкивала. Где-то урывками, издали, я здоровался с Розой, но она всегда была в окружении комсомольско-пионерской свиты и не подавала мне надежды на «уединенную» встречу. Так, «здрасти-здрасти», – и все. Я подкарауливал её до и после школы – никаких результатов, «дружина» появлялась только в полном составе.

Пришедшая мне в голову идея несколько придала мне оптимизма: я решил быстренько вступить в ряды комсомола и тем самым войти в её «дружину».

В силу возраста в нашем классе был только один комсомолец – мой друг Алик.

Он, по достижении моего четырнадцатилетия, и дал мне первую характеристику для вступления в передовой отряд молодежи. Вторую необходимую характеристику должен был дать «Совет пионерской дружины» после собеседования с подателем заявления. «Ну да, тот самый, что под руководством Розалии!» – обрадовался я.

За пару дней я выучил список генсеков компартий всех стран нашей планеты – основу знаний, необходимых для вступления в комсомол. В назначенный день и час в комнате Совета дружины я непринужденно сыпал именами генсеков. Наконец-то я близко увидел ту, ради которой и стремился в это уникальное сообщество. Розалия, как глава Комитета комсомола, имела непререкаемый авторитет, коим и пользовалась, первой задавая вопросы. Она вразброс спрашивала меня о генсеках и, получив удовлетворительные ответы, уже было заканчивала мой допрос, когда вдруг спросила:

– Какова ваша успеваемость, товарищ?

– Нормальная, – пробормотал я, явно не ожидая такого подвоха.

– Нормальная?! – иронично переспросила председатель. – А конкретно по математике, по физике?

– В общем, неплохо, – опустив голову, почти шепотом прохрипел я.

– Судя по неуверенности ваших ответов, Совет дружины хотел бы ознакомиться с вашей успеваемостью по «Табелю оценок». Пожалуйста, принесите его на следующее заседание. Вы свободны, товарищ пионер, – отчеканила начальник кабинета «левитановским» голосом.

Сказать, что я вышел из Комитета комсомола, оглушенный сказанным, будет недостаточно – я вышел, совершенно раздавленный прессом многочисленных «по-

чему? за что?».

Можно много рассуждать на тему, что за причина руководила моей «доброй» знакомой, но правильного ответа, очевидно, я не найду. Потому что невозможно разгадать неадекватные умозаключения женщины, а тем более, в подростковом возрасте. Мужчины просто должны быть готовы к любому женскому решению. А ведь как близка была цель войти в дружбу к Розе и как далеко, в космос, её отшвырнули. Была растоптана даже наша древняя общность.

Как верно говорил Лазарь Моисеевич, когда спрашивали о его отношении к еврейскому вопросу в Союзе: «Прежде всего я – коммунист!». Судьба здорово над ним подшутила. В 1956 году группа Хрущева в Политбюро победила группу Маленкова, куда приписали Лазаря. Его лишили всех званий и даже исключили из компартии. Много лет добивался бывший коммунист восстановления, но часто меняющиеся генсеки отказывали ему в этом. В конце концов последний, самый вредный генсек, видимо назло Лазарю (моё личное мнение), вообще запретил существование компартии и лишил Лазаря Моисеевича возможности возвратиться в её ряды. Так и ушел в иной мир бывший член Политбюро в ранге простого местечкового еврея.

Чтоб только досадить Розе и математичке, я, дождавшись ухода на повышение Розы, таки проскочил в комсомол. С Розой мы больше не встречались, даже если я, как бы случайно, оказывался в местах, близких к комитету комсомола.

И только много позже, как мне кажется, я разгадал тактику моей подруги Розалии – она тормозила моё стремление войти в этот фальшивый мир демагогии, лозунгов и пустых обещаний. Ведь не секрет, что органы КГБ пополнялись именно из комсомольских вожаков – опричников партии власти.

Когда же благодаря им развалился Советский Союз, то бывшие комсомольцы с помощью вывезенных за пределы страны финансов компартии возглавили структуру «новых русских», перейдя затем в класс олигархов.

Незабываемый маршрут автобуса № 39

Должен откровенно признаться, что из всех бакинских автобусных маршрутов, больше всего я симпатизировал маршруту №39. Я открыл его совсем неожиданно. Это было замечательное открытие на рубеже 60-х годов прошлого столетия.

Уникальность маршрута состояла в том, что с недавних пор (с 1 сентября) он стал связывать меня с двумя необходимыми мне конечными пунктами: моим домом на улице Мухтадыра и площадью у Сабунчинского вокзала. А если точнее – с зданием института АзНефтеХим, куда я удачно втиснулся вопреки своему генетическому призванию.

Дело в том, что в то время призрак возвращения из учебного отпуска, специально предоставленного для поступления в ВУЗ, в армейские казармы, притупил моё неприятие точных наук и я, щеголяя на экзаменах мундиром сержанта артиллерии, таки пробился на энергетический факультет этого элитного в Азербайджане учебного заведения.

Обычное осеннее утро начиналось со встречи с отдохнувшим за ночь неутомимым итальянским подростком Робертино, заразившим жителей Баку энергичным хитом «Джамайка». Хотелось бежать, прыгать и кричать вместе с певцом «Джамайка, Джамайка, Джама..а..а..йка!».

Тем не менее, я торопился, чтобы вовремя успеть на автобус, следующий по расписанию, и каждый раз, вскочив в него в последнюю минуту, я радовался своему везению.

Не надо доказывать, что утреннее позитивное настроение может продержаться у первокурсника лишь до первого вызова для чтения приготовленного конспекта по истмату (исторический материализм).

Впрочем, не буду читателям портить настроение подобными темами.

Хочу лишь подчеркнуть, что мужчин утро настраивает на активные действия, направленные на решение вчерашних проблем, которые, однако, к полудню переходят в разряд проблем будущих.

Другое дело – женская половина, которая по утрам обычно раскладывает «по полочкам» приснившийся сон, как всегда так неудачно (на самом главном моменте) прерванным назойливым будильником. А ведь ещё б немного и ... Муслим Магомаев сделал бы героине сна весьма заманчивое предложение!

Уже позже многообещающий сон проходит процесс оживленного обсуждения с ближайшими коллегами, которым, кстати, тоже есть, чем поделиться.

Старенький заслуженный автобус бесстрастно принимал безмерное количество пассажиров. (Для сведения молодых жителей информирую, что метро ещё в городе не функционировало).

Её лицо я узнал бы, если бы оно было даже за броней танка – оно в ожидании было обращено в сторону моего появления из тупика улицы.

Подходя, я с удовлетворением заметил, что, увидев меня, её фас в окне автобуса мгновенно сменился безразличным профилем – определенно ждала!

Так-так, – оживился я и, войдя в автобус, энергично заработал локтями, пробиваясь к её сидению.

Не мне рассказывать вам, дорогой горожанин, каков это сизифов труд – пробраться в полном автобусе до желаемого места.

Мне кажется, что этот вид спорта давно уже пора ввести в ранг олимпийского. Его особенность состоит в том, что сколько бы вы не прилагали усилий, вы все равно топчетесь на месте, под напором встречного потока таких же настойчивых неудачников.

Я уже почти добрался до своей цели, но в этот момент между нами возникла внушительная матрона, которая одним поворотом корпуса свела «на нет» все мои усилия приблизится к девушке.

И тут происходит нечто невероятное:

На виду у изумленных пассажиров девушка встает с комфортного сидячего места и уступает его (представьте себе!) этому «бронепоезду». Едва тетя, приняв вежливость за должное, устроилась на «запасном пути», как в автобусе вдруг посвежело и подул наконец-то пробившимся ветерком. Люди сразу как-то посветлели и даже, не побоюсь этого слова, подобрели.

А главное – мы оказались рядом ! При воспоминании об этом моменте меня всегда охватывает чувство эйфории от близкого присутствия необыкновенного, небесного существа.

(Надо отметить, что вся наша жизнь соткана из отдельных подобных лоскутов незабываемых мгновений).

Я предполагаю (хочу надеяться), что данный неординарный поступок был подсказан девушке, чтобы хоть как-то проявить внимание к своему новому знакомому.

Однако автобус тронулся, что проявилось в активном резком падении пассажиров сначала назад, а затем – вперед. Эта амплитуда принесла мне счастье попасть «под каблук» моей соседки, т.е. она нечаянно наступила острым каблучком на мою ногу.

Я готов был терпеть боль так долго, как сколько ей будет доставлять это удовольствие. (Разумеется, так я думал первые полминуты). Но уже в следующее мгновение автобус попал в один из многочисленных провалов в асфальте, усердно не замечаемых городскими властями.

Нас встряхнуло, и девушка непроизвольно (мне показалось – нехотя) сняла ногу с моей изрядно травмированной ступни.

Вот тут-то я и понял, что такое счастье, радость и благополучие одновременно. И первое, что я сделал, – я поздоровался:

– Доброе утро... Нателла! – наконец вспомнил я имя соседки.

– И вам доброе... кажется, Марк? – не растерялась Нателла.

Здесь я должен проинформировать читателя, что несколько дней назад мы с Нателлой уже успели познакомиться. Как можно было сомневаться, что на кругу Сабунчинского вокзала я не последую за приглянувшейся мне девушкой, вплоть до констатации удивительного факта, что и она вошла в здание моего института. А дальше, при «нечаянной» встрече в студенческом кафетерии, выяснилось, что она учится на 3-м курсе геологоразведочного факультета.

Последнее меня чрезвычайно обрадовало, ибо подтверждало, что Нателла, как и я, без удовольствия поступила в институт, поскольку ни для кого не было тайной, что на этот факультет поступали не прошедшие по конкурсу на более престижные специальности.

Сегодня встреча в автобусе произошла совершенно неожиданно, и мы несколько растерялись от первого, такого близкого соседства. Предыдущие утренние встречи, в основном, проходили на расстоянии, в зависимости от плотности пассажиров. Увидев друг друга издали, мы отчаянно жестикуют руками, обмениваясь красноречивыми взглядами. Мы настолько увлеклись нововведением, что оно превратилось, в своего рода утреннюю веселую разминку. На глазах у раздраженных пассажиров мы посылали друг другу различные знаки, вызывающие у нас неожиданные для присутствующих приступы смеха.

Постепенно мы привыкали друг к другу и когда нам порой не случалось встретиться в очередной раз на нашем маршруте, мне всегда становилось грустно. В такие дни я приходил в институт каким-то раздраженным и разочарованным.

Сейчас в автобусе мы стояли, прижатые друг к другу, и я боялся каким-либо нечаянно произнесенным словом разрушить эйфорию идиллии.

Мне хотелось бесконечного её продолжения и я мысленно молил шофера не спешить с прибытием. Но у него был график и он спешил уложиться в него, словно мне назло. И все же это было прекрасно: мы молча наслаждались, когда очередная встряска на ухабине толкала нас друг к другу, а затем, как бы смущенно, делали легальные усилия оттолкнуться. Но следующий поворот с новой силой инерции снова сближал нас и мы, уставшие от противоборства, с наслаждением поддались стихии законов физики.

Разговаривать было затруднительно, и мы впервые с удовольствием помалкивали (когда ещё подвернется такая удача!). Я почувствовал, как бешеный поток моей крови перешел в бурное течение её артерий и теперь вот-вот должно было произойти нечто невообразимое ...

Но вдруг наши автобусные эмоции неожиданным образом прерываются все той же необъятной гражданкой, которой, видите ли, пришло время выходить. Эта проклятая процедура заняла невероятно много времени, а по её окончании все окружающие её пассажиры были настолько измотаны и озлоблены, что стало ясно – идиллии пришел конец.

К тому же мы уже и приехали, и мои улегшиеся эмоции постепенно переключились на сдачу курсового проекта. И надо было ещё успеть сдать в гардероб верхнюю одежду, поскольку ректор Ибрагимов беспощадно расправлялся с двумя пороками студентов: курением и ношением пальто в коридорах.

В те времена наличие дома телефона являлось привилегией крупных чиновников, к коим мы не принадлежали, и наши встречи происходили в зависимости от фортуны. А она, как известно, не всегда благоволит к влюбленным, а как раз наобо-

рот. Однако я понимал, что, с моей стороны необходимы более энергичные действия. До сих пор я их откладывал до ближайшего получения стипендии. Но каждый раз, ввиду недавнего возвращения из армии, приходилось тратить на какие-то неотложные атрибуты одежды (просить деньги у мамы было совестно).

К тому же, учеба давалась с трудом – мне приходилось восполнять забытые школьные знания долгими вечерними занятиями в читальнях. Они затягивались ещё и потому, что уткнувшись в учебник, я часто отвлекался, заново перебирая утренние встречи с Нателлой.

И тогда теплая нежная волна подкатывала к моему сердцу. Незаметно для себя я продолжал прерванную с ней беседу, забывая о времени и цели прихода, до поры, когда тушили свет в читальне, напоминая о её закрытии. Поэтому, как решительный влюбленный, с вечера я давал себе слово, что завтра обязательно назначу ей свидание.

Однажды мне повезло: я встретил Нателлу на нашем маршруте при возвращении из института. Я уговорил её посидеть в уютном садике Ахундова. Оказалась, что Нателла – грузинка. По настоянию родителей она по окончании института собиралась переехать в Тбилиси. Это придало нашему знакомству романтический привкус. Необходимо было срочно ускорить наше сближение.

К счастью, в ближайшую субботу в институте намечался вечер, посвященный Дню Независимости Кении. В тот год удача удивительно сопутствовала студентам – он совпал с освобождением многих африканских стран от колониализма, а следовательно, намечалась серия вечеров солидарности, что, несомненно, вызывало позитивную реакцию наших студентов на борьбу африканских стран за свою свободу. Разумеется, студенты других институтов города здорово завидовали нашему благополучию в проявлении интернационализма.

Подкараулив утром Нателлу, я, к большой её радости, вручил ей приглашенный билет, который мне достался благодаря знакомству с комсоргом факультета. Она попросила ещё один, для подружки. Встречу мы назначили в физкультурном зале, ибо танцевальные площадки находились в нескольких местах.

Суббота приближалась черепашьим шагом. Я старался сэкономить побольше денег, перестав посещать институтский кафетерий. Утренние встречи с Нателлой, казалось, подводили итог нашему мимолетному знакомству, намекая на длительную дружбу.

Толпы желающих «побеситься» на вечере в АЗИНХе перекрыли трамвайную линию на улице Ленина. Пробившись, я нетерпеливо бросился на поиски Нателлы. Долгое ожидание рисовало моему романтическому воображению медленное танго, уводящее нас в далекий мир наших новых ощущений.

Зал был забит беспорядочно сдвинутыми скамейками, между которыми хаотично топтались прилипшие друг к другу пары. Найти в этом полумраке искомую девушку было весьма проблематично. Я рассчитал, что искать «мою» Нателлу нужно среди стоящих у стен девушек. Это облегчало поиск. Однако, не найдя её среди них, я стал присматриваться к танцующим. От напряжения поиска они слились в один крутящийся водоворот, но я усердно продолжал выискивать ту, ради которой пришел на этот никчемный вечер.

«Боже! Как много похожих на неё, но это все же не **Она!** Она необыкновенная, другая! Но почему её не видно? Дай знать, что ты здесь, Нателла!» – думал я.

Меня затолкали в воронку фокстрота и явно стремились затоптать. Я еле успевал уворачиваться от толчков и шиканья.

«Наконец! Вот же **Она!**»

Как не мог я увидеть её белое, такое родное лицо, обрамленное черными, щедро раскинутыми по плечам волосами?

Как же я не мог встретить её живые, искрящиеся смехом глаза... ?

Да ...именно их я и не мог встретить, ибо они были ... закрыты... в сладостной истоме танца...и голова её (о, Боже!)... покоилась на плече высокого горбоносого грузина.

...На следующее утро, не заметив, что Робертино Лоретти уже в третий раз пытается привлечь мое внимание всепрощающей арией «Аве Мария», я, аккуратно обойдя стоянку маршрута № 39, целеустремленно шел в сторону Баксовета, чтобы на троллейбусе добраться до института.

С тех пор философский вопрос и по сей день занимает мои мысли:

«Чего больше в женщинах – коварства или легкомыслия!!!»

Нам грустно без Вас, Эльмира-ханым

Я не был знаком с Эльмирой Алиевой в период моего проживания в Баку. Однако мне всегда были интересны материалы этой журналистки, периодически встречавшихся на страницах столичных газет.

Они отличались от корреспонденций других ее коллег своей искренностью и честностью, что придавало им правдивую доброжелательность.

Это качество всегда ценилось в материалах СМИ, которые в 90-х годах представляли противоречивую информацию.

После отъезда на ПМЖ в США я, разумеется, отошел на некоторое время от связи с жизнью Азербайджана. Но, как оказалось в дальнейшем, я продолжал жить с ностальгией по Баку и его жителям.

В конце концов, это тяготение привело меня к литературной деятельности – я стал писать рассказы, очерки. Одним словом стал писателем, а затем и публицистом. Мои произведения изредка начали появляться на страницах газет и даже журнала «Литературный Азербайджан».

И, если первым моим редактором, открывшим меня в Баку, был Мансур Векилов, то первым литературным критиком стала Эльмира Алиева.

Причем, я не был знаком с ними ни визуально, ни виртуально.

Когда лет десять тому назад я увидел пространную статью ведущей журналистки республики с подробным раскладом моих опубликованных произведений, я не поверил своим глазам. Это была первая статья о моем творчестве. Я читал и перечитывал эту необычную статью, опубликованную в газете «Каспий» и подписанную Заслуженным журналистом Азербайджана Эльмирой Алиевой. Только тогда я понял, что не зря меня приняли в свои Союзы литераторы и журналисты Азербайджана. Если откровенно, то, конечно, я не ждал от объединений коллег какого-либо внимания к своей персоне (Что, в общем-то и подтвердилось!).

Именно поэтому внимание Эльмиры ханым было для меня более, чем лестно – это было признание моего литературного становления.

Через некоторое время появилась еще одна статья Эльмиры ханым с положительным разбором моих рассказов из сборника «Мелодии Абшерона», вышедшей в 2010 г. под редакцией уважаемой Зарифы Салаховой и с иллюстрациями художника Исмаила Мамедова.

Казалось бы, можно было бы уже спокойно воспринять происшедшее событие, если бы не одно исключительное обстоятельство – этот сборник был опубликован в формате мини-книги, т. е. книги, которая из-за мелкого шрифта трудно читаема, и она скорее является сувенирным изданием.

Эльмира ханым прочла этот сборник и написала о нем очень доброжелательную статью. Я понял, что знакомство и общение с таким профессионалом может помочь мне найти пути для улучшения моего творчества. Любезная Зарифа ханым Салахова помогла мне с поиском координатов Эльмиры ханым.

И вот я, наконец, на долгожданной связи с известной журналисткой.

Бодрый девичий голос совсем было удивил меня, но женщина подтвердила, что она действительно Эльмира ханым.

Так началась наша заочная виртуальная дружба.

Эльмира ханым «встретила» меня так, как будто мы только вчера жили рядом по соседству, а сегодня делимся тем, что произошло за последний день.

Наши частые беседы проходили на различные темы. Они касались как прошлой, так и настоящей жизни. Мы были в радостном ощущении, что наконец-то нашли друг друга. И хотя моя новая приятельница была несколько старше меня, чувство, что мы давно знакомы друг с другом, не проходило. Вспоминали былые свои студенческие шалости и случаи из советского прошлого.

Эльмира ханым описывала свою квартиру, как она справляется с хозяйством, как целый день проводит за журналистской работой, посвящала меня в тонкости и нюансы создания новой статьи.

А главное, она с таким воодушевлением и чистосердечием все рассказывала, что создавалось впечатление, что ты разговариваешь не с солидным мэтром, а начинающей талантливой журналисткой, подмечающей все нюансы зарождающейся статьи. Что интересно, мы никогда не вели беседы о совместном сотрудничестве. Только однажды я предложил Эльмире ханым создать журналистский мост – проект под названием «40-ая Параллель», т. е. параллель, действительно соединяющей город Баку и мой город проживания – Бёрлингтон в штате Нью Джерси.

Ведущей журналистке очень понравился мой проект, но после нескольких дней раздумья она с большим сожалением отказалась от него, мотивировав своим плохим самочувствием.

«Эх, пару бы лет назад, мы бы задали жару!» – с грустью прокомментировала Эльмира ханым свой отказ.

Кстати, уже будучи совсем больной, она никогда не заостряла внимания на своем недомогании: «Представляете, совсем двигаться не могу, ноги не слушаются. Спасает сидячая работа», – спокойным голосом информировала она о своих бедах и переходила на другую тему.

Особенно она любила рассказывать об истории газеты «Каспий».

Уж очень она любила коллектив газеты – все у нее были «замечательные» журналисты, а главный редактор был для нее первым другом и соратником.

«Приезжайте – сами увидите», – соблазняла меня коллега при каждой телефонной «встрече».

А еще Эльмира ханым с удовольствием вспоминала свою незабываемую поездку в Соединенные штаты, которой ее наградили за успехи в журналистике.

Как-то шутя я заявил Эльмире ханум:

«Газета «Каспий» держится на трех китах-женщинах – Эльмире Алиевой, Галине Микеладзе и Эльмире Ахундовой».

Эльмире ханум очень понравилась шутка и она долго заразительно смеялась своим молодым, не по годам, смехом.

Этот необычный, задиристый смех так и остался мне на память о моем наставнике – мэтре Эльмире ханым!

И, конечно, ее огромный плодотворный труд на ниве журналистики.

Сегодня из корабля «Каспий» ушел один кит.

Трудно стало дрейфовать «Каспию», но дружная команда-коллектив должна справиться с управлением и держаться заданного курса, которому следовала забываемая Эльмира ханым.

28 февраля 2020